

Национальная художественная картина мира в мордовской женской лирике

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению национального своеобразия мордовской женской лирики. Предметом исследования является специфика репрезентации этнической картины мира в произведениях современных поэтов.

Цель: раскрыть особенности отражения национальной картины мира в стихотворениях авторов-женщин.

Материалы исследования: произведения Р. Орловой, Л. Рябовой, М. Слугиной.

Результаты и научная новизна. Концепция работы построена на положении о том, что художественная картина мира основана на мироощущении субъекта творчества (эмоционально-интуитивном восприятии им действительности), свойственных ему представлениях об окружающем мире, отраженных посредством архетипов, образов, концептов, символов, она играет роль в формировании и трансляции духовно-нравственных ценностей в обществе, становится критерием эстетической значимости произведения. Индивидуальная неповторимость, неопровержимая подлинность национальной картины мира в лирике мордовских авторов-женщин проявляются на разных уровнях текста – мотивно-образном, тематическом, хронотопическом, стилистическом. Поэтами активно разрабатывается тема малой родины, семантически соотносимая с архетипическими образами отчего дома, матери, топосом «детство». Ассимилированные в структуру поэтического текста образы исторических деятелей призваны реанимировать национально-исторический опыт, отразить экзистенциальный смысловой контекст. Мифологический мотивно-образный кластер транслирует особенности религиозного мировоззрения эрзян и мокшан, их нравственные принципы и ценностную сферу, способствует созданию вневременного контекста. Стилистически стихотворения данной тематики соотносятся с народнопоэтической, в частности обрядовой песенной традицией. Посредством пространственных маркеров воссоздаётся природная среда, хронотоп деревни; поэтические омонимы способствуют отражению конкретной географической реальности, современной социокультурной ситуации. Научная новизна статьи определяется тем, что мордовская женская лирика в аспекте национальной картины мира впервые становится объектом специального исследования.

Ключевые слова: мордовская женская лирика, национальная картина мира, национальный образ мира, этнический миробраз, лирическая героиня

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00098 «Мордовская женская литература: специфика репрезентации гендерной картины мира, национально-художественное своеобразие», <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Для цитирования: Шеянова С. В. Национальная художественная картина мира в мордовской женской лирике // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 1 (60). С. 132–141.

National artistic picture of the world in Mordovian women's lyrics

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the national uniqueness of Mordovian women's lyrics. The subject of the study is the specificity of the representation of the ethnic picture of the world in the works of modern poets.

Objective: to reveal the features of reflection of the national picture of the world in poems by women-authors.

Research materials: poems by R. Orlova, L. Ryabova, M. Slugina.

Results and novelty of the research: the concept of the work is based on the position that the artistic picture of the world is based on the worldview of the creative subject (emotional and intuitive perception of reality), inherent ideas about the surrounding world reflected through archetypes, images, concepts, symbols. It plays a role in formation and transmission

of spiritual and moral values in society, it becomes a criterion of the aesthetic significance of a work. Individual uniqueness, irrefutable authenticity of the national picture of the world in lyrics in the lyrics of Mordovian women-authors are revealed at different text levels – motif and imaginative, thematic, chronotopic, and stylistic. Poets actively develop the theme of the small homeland semantically related to the archetypal images of the parental home, mother, and the topos “childhood”. The images of historical figures assimilated into the structure of poetic texts are intended to revive the national and historical experience, reflect the existential semantic context. The mythological motif and imaginative cluster conveys the features of the religious worldview of the Erzya and Moksha peoples, their moral principles and value sphere. It contributes to the creation of a timeless context. Stylistically poems on this theme are related to folk poetry, in particular to ritual song tradition. By means of spatial markers the natural environment and chronotope of a village are reconstructed; poetic homonyms help to reflect the specific geographical reality and the contemporary socio-cultural situation. The scientific novelty of the article is determined by the fact that Mordovian women’s lyrics in the context of the national picture of the world for the first time become the object of special research.

Key words: Mordovian women’s lyrics, national picture of the world, national image of the world, ethnic world image, lyrical heroine

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00098 “Mordovian women’s literature: specificity of the representation of the gender picture of the world, national and artistic originality”, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

For citation: Sheyanova S. V. National artistic picture of the world in Mordovian women’s lyrics // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2025; 15 (1/60): 132–141.

Введение

В современном литературоведении изучение репрезентации национальной картины мира в художественном произведении признаётся продуктивной исследовательской стратегией, поскольку способствует не только определению индивидуально-творческой концепции писателя, но и сохранению и трансляции уникального исторического и культурного кода народа, значимых для него первообразов, традиционных представлений, непреходящих ценностных смыслов. Вместе с тем необходимо указать на определённые сложности, связанные с терминологией, интерпретацией понятия «национальная картина мира», что обусловлено многоаспектностью научных подходов к изучению этнического кода того или иного народа, его культурного наследия, аксиологической сферы, модели поведения и т. д., а также спецификой исследования человека как субъекта познания действительности, носителя определённых представлений, системы ценностей.

Впервые сформулированная Гумбольдтом ещё в начале XIX в. идея особого мировидения у каждого этноса находит активное развитие в трудах отечественных философов, историков культуры, писателей (Н. Данилевский, В. Розанов, К. Леонтьев, Н. Бердяев, Ф. Достоевский и др.). Более 30 лет изучением духовных и материальных культур народов мира, национальных моделей бытия, межэтнических связей занимался Г. Д. Гачев, который в 1990-е годы оформил и сформулировал теорию «национальных

образов мира». В методологии учёного основное понятие – «Космо – Психо – Логос» – определяет национальную целостность как симбиоз взаимодополняемых компонентов (местной природы, национального характера и склада мышления) [4]. Эта триада отражается и на сущности человека, представляющего, в концепции философа, единство тела, души и духа (ума). Национальный образ мира в его восприятии «сказывается в пантеонах, космогониях, просвечивает в наборе основных архетипов-символов» [4, 10] – уникальных традиционных ценностях отдельного этноса, его культурных универсалиях. При этом национальный космос является отражением первичной мировой субстанции (природа, история, культура), выступает инвариантом целостного образа мира, воплощением интернационального бытия, демонстрирует многовариантность мироздания. Г. Д. Гачев признаёт объективные процессы ассимиляции – диссимилиации национальных культур, унификации народов по образу жизни, быту, производству, мышлению, развития межкультурного диалога, что в свою очередь приводит к обострению национальной чувствительности, идее сохранения этнической индивидуальности. Проблема уязвимости идентичности национальных культур особенно актуальна в настоящее время, когда трансформации в духовной жизни социума, стремление приобщиться к имеющим общечеловеческий характер ценностям, могут привести к негативным для этноса последствиям.

В современной науке наблюдается активный интерес к проблеме художественной картины

мира. Теоретическое её обоснование и методологические подходы к изучению представлены в статье Б. С. Мейлаха [13], определившего стратегию восприятия категории «картина мира» через понятие «философия искусства». Она становится объектом исследования в философских [26], этнолингвистических [24; 27], культурологических [25; 28], лингвокультурологических [11] работах. В литературоведении данная тема изучается в аспекте этнопоэтики [5; 23], во взаимосвязи с историей развития словесности определённого периода [7; 9; 10; 18], сквозь призму отдельных проявлений национальной образности, компонентов национального мирообраза в творчестве конкретных авторов [3; 12; 22].

В финно-угорском литературоведении вопросы отражения национальной картины мира в авторском произведении находят решение в контексте сопутствующих исследовательских проблем – описания этапов формирования литературно-художественной системы [8], использования возможностей этноидентичности и мифопоэтики в творческом миромоделировании [20], анализа жанрового и тематического своеобразия произведений [1], определения особенностей индивидуально-авторского освоения этнокультурных компонентов [2; 6], рефлексии мифологических мотивов и их трансформации в литературном тексте [16], выявления художественного мышления конкретного поэта и средств авторского самовыражения [21] и др.

Актуальность предпринятого нами исследования обусловлена необходимостью определения специфики репрезентации этнической картины мира в лирических текстах современных поэтов-женщин в условиях глобализации, культурной унификации, урбанизации, формирования антиценностей. Нам близка позиция, согласно которой, национальная картина мира в художественном произведении формируется «комплексом взаимодействующих компонентов текста, обладающих этнокультурной спецификой. Компоненты выявляются в образном строе, сюжетно-композиционной и пространственно-временной организации текста» [23, 10]. Выражения «национальная картина мира», «национальный образ мира», «этнический мирообраз» воспринимаются нами как взаимозаменяемые. Научная рефлексия актуализированной проблемы позволит не только

раскрыть национально-поэтические и поэтологические особенности проанализированных произведений, но и констатировать положения и выводы относительно современного женского творчества в целом.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили стихотворения Р. Орловой, опубликованные в сборниках «Кись толти» («Дорога к огню») [14], «Цёнгат» («Острова») [15], Л. Рябовой «Кие тон?» («Кто ты?») [17], М. Слугиной «Тюст» («Оттенки») [19].

В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: структурно-семантический, историко-функциональный, метод описательной поэтики.

Результаты

В мордовской женской лирике значительный проблемно-тематический пласт связан с репрезентацией национальной картины мира, этнической идентичности, культурной самобытности мордовского народа. В произведениях поэтов-женщин оригинально имплицированы древнее религиозно-мифологическое мировоззрение, ментальные черты, традиционные представления, национально-исторический опыт эрзян и мокшан, социокультурные реалии современной действительности. Национальная картина мира отражается посредством мотивно-образного кластера, пространственно-временного хронотопа, географических реалий, этнографических маркеров, стилистических особенностей произведений.

У Л. Рябовой архетип малой родины соотносится с образами отчего дома, счастливого детства, матери, отца, бабушки, наделяется положительными коннотациями, семантикой душевной гармонии, умиротворения, беззаботности. Дом – один из основополагающих концептов мировой литературы – эрзянским поэтом наполняется сакральным смыслом, воспринимается местом, укрывающим семью от бед и несчастий, дарующим здоровье, благополучие («Иля кельме, тиринь кудом, сан...» / «Не замерзай, родной дом, я приду...» [17, 41]). В стихотворении «Кандыть монень якстердиця кстыить...» / «Принесла мне спелую землянику...» изображается образ заботливой, добродушной бабушки, носителя национального менталитета. Идиллический

мотив возвращения в детство сопровождается летней метафорикой, сюжет земляничного детства объективируется посредством цветowych, обонятельных ассоциаций: *Кандыть монень якстердиця кстыйтъ. / Чинест, бабай, – чаракадыть превтне! / Ашо сахар почодат ды – вай! – / Апак жала лепитясыть-томбасыть. / Седе курок саян чувтонъ пенч – / Эсенсентъ, лангсонзо пизёлт артозь. / Покиш вакансонть сон – прок шожда венч, / Укшны-теи – сы кстыйведне марто* ‘Принесла мне спелую землянику. / От их запаха, бабушка, – закружится голова! / Белым сахаром посыплешь и – ой! / Не жалея помнёшь-намнёшь. / Быстро схвачу деревянную ложку – / Свою, с расписной калиной. / В большой миске она – словно лёгкая ладь, / Поплывает – возвращается с земляничной водой’¹ [17, 50]. Этнографические и бытовые детали (приготовление лакомства из ароматной земляники, расписная деревянная ложка, большая миска) отражают своеобразие национального пространства, деревенского мира. При этом бытовая сфера получает высокую, метафизическую семантику посредством включения мифопоэтических образов (*Сонсь Вирьявась тетъ таркатненъ невтни?* ‘Сама Вирьява показывает тебе земляничные места?’) и авторских рассуждений онтологического характера (*Вай, кода умок / Ульнесь те! Сестэ лияль менелесь. / Лияль вармась, чинезэ лияль* ‘Ой, как давно / Это было! Тогда было другое небо. / Другой ветер, с другим запахом’ [17, 50]). Таким образом, концепт «малая родина» в поэзии Л. Рябовой интерпретируется как сочетание материальных и духовных ценностей, в совокупности формирующих модель национального мира.

В лирике М. Слугиной образ малой родины воссоздаётся посредством известных лишь на региональном уровне микроойконимов (Солалейка, Боризвеле, Кобай веле, Кенде, Улопе, Верепе, Вирьалкс), микродринимов (Солаведь, Жилинэнь вирь), микрогидронима (Явлейка), урбанонима (стадион «Мордовия Арена»), наделённых этноидентифицирующей функцией, придающих произведениям пространственно-географическую конкретность. Лирическая героиня испытывает к родной земле сильную эмоциональную привязанность, воспринимает

её частью своей мирореальности. В стихотворении с открытой эмоционально-оценочной семантикой «Кобай велем – Пазонь эле» / «Моё село Кабаево – Божий край» [19, 20] изображён конкретный региональный объект – родное село автора. Положительные коннотации, вызванные образом малой родины, передаются посредством традиционных метафорических рядов. Поэт называет её *модаськак тесэ баславэ* ‘землёй благословенной’, *стакат умарде пирензэ*, / *А лововить эмежензэ* ‘богатым урожаем краем’, *тесэ чачозь ине ломанть* ‘родной многих известных людей’, *ансяк тесэ вийде ойменек пеиштеви* ‘местом силы и душевной гармонии’. Строки «Сюмордовты, неень шкасто / Чами велем нек бойкасто» ‘Берёт за душу, сегодня / Пустеет село моё быстро’ [19, 20] не только нивелируют положительно окрашенный нарратив, но и усугубляют экзистенциальный подтекст стихотворения, подводят к размышлениям о неоднозначной современной национально-общественной ситуации.

В лирике Р. Орловой малая родина соотносится с образами родного села («Велезе, инксот пичедян» / «Село моё, переживаю за тебя»), отчего дома («Масторлангса цебяръ вастсь» / «Лучшее место на земле»), матери («Тядязти» / «Матери»), мокшанского языка («Мокшень кялезе» / «Мой мокшанский язык»), мокшанской песни («Кодама морот народозе морай?» / «Какие песни поёт мой народ?»), народного костюма («Мокшень панарозе» / «Мокшанское платье»). В одноименном стихотворении мокшанский язык становится сюжетообразующим компонентом, посредством него транслируется соотносённость героини с национальным миром: «Мокшень кяльса корхтась алязе, / Мокшень кяльса корхтась тядязе, / Мокшекс корхтаме (иземе визде минь!), / Кудса, школаса и паксяса» ‘На мокшанском языке разговаривала моя мать, / На мокшанском языке разговаривал мой отец, / На мокшанском разговаривали (не стеснялись!) / Дома, в школе и в поле’ [14, 63]. Родной язык воспринимается не только средством коммуникации, но и важнейшей духовной ценностью, что передаётся посредством традиционных образно-метафорических конструкций: «Мокшень кялезень, Шкайнь каз-незень, / Мокшень кялезень, инь питнизень, /

¹ Перевод здесь и далее подстрочный. Выполнен – С. Ш.

Атянь-авань сирнень валнязень – / Мокшень кяльть – Тяштенянь павазонь!» 'Мокшанский язык, подарок Бога, / Мокшанский язык, самое ценное, / Золотое слово предков – / Мокшанский язык – божья Звезда' [14, 63].

В стихотворении Л. Рябовой «Пургаз марто кортнама» («Разговор с Пургазом») художественно реанимируется этническое самосознание, утверждается уникальный культурно-генетический код эрзянского народа. Заявленный в названии стихотворения диалог с эрзянским князем Пургазом переходит в лирический монолог героини, что обусловлено её психологической потребностью выговориться, излить душевную боль. В первой строфе сакральный для эрзян локус *репештя* (лесная поляна для проведения молений) замещается драматической геополитической картиной действительности: «Келя, шкась истямо... Шкась ней – идем. / ... Ней модамасторось допрок лия, / Ней лия тюремат тесэ молить...» 'Говорят, время такое... Время сейчас – дикое. / ... Теперь земля совсем другая, / Теперь здесь по-другому бьются...' [17, 10]. В четвёртой строфе передаётся этническая саморефлексия героини, её размышления о том, кто виноват в утрате современниками национальной идентичности, выражаются в форме иронии: «Кие – эрзя, кие – аламодо, / “Аламодонть” яла седе ламо...» 'Кто-то – эрзянин, кто-то – чуть-чуть, / Тех, кто “чуть-чуть всё больше...' [17, 11]. В финальной строфе минорная тональность сменяется светлой риторикой, высокими ассоциациями, что поддерживается гиперболой, метафорическими рядами. Эрзянская земля, генетические корни народа, культурное наследие этноса осмысливаются важнейшей непреходящей ценностью: «Кадык соды – эрить эйкакшонзо, / Зярс модантень недявозь раськезэ, / Эрзянь Масторс пезнасть ундоксонзо, / Те масторонть а миеви пезэ, – / Сон васоло, ойменек потмакссо, / Сон вечкемань кородовкссо пирязь / Ине чанстекс – а миемс, а максомс, – / Ды миненек а эряви лиясь» 'Пусть знает – живут его потомки, / Покуда земле близок его род, / В Эрзянскую землю выросли его корни, / Конец этой земли не наступит, – / Она глубоко, в нашей душе, / Она забором любви окружена / Великой благодатью – не продать, не отдать, – / И нам не нужна другая' [17, 11]. Цепочка образов-концептов «род», «душа», «великая

благодать» придают лирическому нарративу сакральный смысл, веру в сохранение эрзянской идентичности.

В стихотворении М. Слугиной «Шкань сюлмавкст» («Связи времен») реанимируется миф о сотворении земли, архетипический образ Великой Птицы (Иненармунь) получает индивидуально-творческую интерпретацию как прародительницы мордовского народа: «Келя, алыякинось Иненармунь / Сисем алт... Эрямо пувась Варма, / Ведесь, Виресь максызе эрямонть, / Мейле модась вастсь ломанень самонть...» 'Говорят, снесла Великая Птица / Семь яиц... Жизнь надул Ветер, / Вода, Лес жизнь дали / Потом Земля встречала приход человека...' [19, 22]. Вневременные мифологические картины сменяются конкретными историческими сценами – от «кровавопролитных сражений» («а лоткавтовить верень валоматне») во времена князя Тюшти до «жаркой борьбы Пургаза против жестоких ханов и чёрной орды» («...кежсей хантнэнь каршо вастозь, / Тюриль псистэ равжо орданть мартто» [19, 22]). Репрезентация этих личностей обусловлена их знаковостью в исторической судьбе эрзян, культом предков, одним из самых значимых в традиционной культуре.

В стихотворении М. Слугиной «Эрзиямо» («“Превращение” в эрзя») негативная ситуация нивелирования родного языка передаётся посредством утопии: в разных городах и странах (Лондоне, Токио, Дели, Мехико, Москве, Алжире, Тунисе и др.) жители общаются на эрзянском языке: «Весе содыть эрзянь кель! / Весе явить тензэ мель» 'Все знают эрзянский язык! / Все уделяют ему внимание...' [19, 122]. Однако ситуация изменилась на родине – в Саранске практически не слышно эрзянской речи, от языка отказываются даже его носители: «Саранскоев пачкодинь – / Рузокс кортамо карминь» 'Вернулась в Саранск – / По-русски заговорила' [19, 122]. Осмысливая сложившиеся обстоятельства, героиня не видит иного выхода, как пожелать современникам «национальную эпидемию»: «Эрвя эрзясь эрзияволь, / Истямо кезов эрвяволь» 'Чтобы каждый эрзянин “превратился” в эрзянина, / Такая болезнь нужна' [19, 122]. Географические объекты в структуре данного произведения выполняют не только хронотопическую, но и концептуальную роль – отражают авторскую иронию относительно сложившейся в республике объективной социокультурной обстановки.

По утверждению исследователей, «пространство и время являются важнейшими категориями национальной картины мира, образующими основную систему координат» [20, 43]. Базовым элементом ландшафта в национальной картине мира эрзян и мокшан является лес, что обусловлено природно-географическими условиями проживания народов, объективными обстоятельствами их жизнедеятельности. В произведениях авторов-женщин лес становится одним из культурно значимых образов, передающих особенности национально-исторического опыта, духовной и материальной культуры, ценностной сферы мордвы. В стихотворении М. Слугиной «Адя, ялгай, Солаведев» («Пойдём, подруга, в Солаведь») он является полифункциональным элементом лирического текста, наделяется сюжетообразующей, символической нагрузкой. Вынесенный в название произведения микродриним Солаведь (местное название леса возле села Кабаево Дубёнского района) усиливает впечатление родной, знакомой автору среды. Антропоморфизированный образ леса, коммунифицирующий с героиней («*Пичеть, килейть тонь васттадызь, / Терд-тядызь экие кудозост. / Пештетарадт лоткавттадызь: / Озак оймсеме курозост!*») «Сосны, берёзы тебя встретят, / Пригласят в свой прохладный дом. / Ветки орешника остановят: / Садись отдохнуть под ними!» [19, 28]), наделяется положительными коннотациями, заряжает энергией первозданной гармоничной природы. С другой стороны, лес воспринимается национально маркированным пространством, ключевым элементом этнического мирообраза, тесно связанным с традиционным бытом эрзян, их образом жизни и деятельностью, что имплицировано посредством образно-символической конструкции: «*Виресь – шумбрачи певтеме! / Виресь – свал лембе кудонк. / Мезе эрзятне виртеме? / Вирь! Тон ванстык эрямонок*» «Лес – здоровье бесконечное! / Лес – всегда тёплый наш дом. / Что эрзяне без леса? / Лес! Сохрани наши жизни!» [19, 28]. Автор фиксирует два пространственно-временных образа – летнего и осеннего леса, чтобы подчеркнуть его значимость, ценность в разные времена года: если летом он богат ягодами, грибами, то осенью дарит людям иные «подарки» – «*ламбамо пештть*» «сладкие орехи», «*опёнкат лоп ало*» «опята под опавшими листьями». Таким образом, в стихотворении М. Слугиной даётся обобщённое

представление о быте, модели поведения эрзян и мокшан, традиционном восприятии ими лесного пространства.

В лирике Р. Орловой базовым компонентом национального мирообраза являются имеющие вневременной универсальный характер мифологические мотивы и образы, посредством которых транслируются архаическая картина мира, древнейшие формы этнического сознания, традиционное мировоззрение эрзян и мокшан, их аксиологические ориентиры. В цикле стихотворений поэт обращается к репрезентации самобытных образов божеств, покровительниц земли («Масторавати»), поля («Паксявати»), воды («Ведявати»), леса («Вирявати»), огня («Толавати»), луны («Ковавати»), ветра («Вармавати»), рода («Юрх-тавати»). Для религиозного мирозерцания древней мордвы была характерна сакрализация земли, её первостепенной значимости. У Р. Орловой она наделяется духовными коннотациями, становится символическим образом источника добра, светлых мыслей, внутренней гармонии: «*Венептьсайне каршезт кяднень: / Ладяк седис моли седнять! / Ваймоти макст пара тефт, / И аф каннемс повса кефт, / И аф кирнемс равжа кяшт*» «Протягиваю к тебе руки: / Установи к сердцу идущую дорогу! / Душе дай добрые дела, / И не носить внутри камни, / И не держать чёрную злобу» [15, 21]. Образ Масторавы раскрыт посредством образно-метафорической конструкции, соотносимой с ментальностью народа, его восприятием земли как прародительницы (*Модань кирди, Модава*), матери (*Масторава-тядякай*), кормилицы (*Масторава-кормолець*). Таким образом, художественное пространство стихотворения соотносится с религиозно-мифологическими представлениями эрзян и мокшан.

В произведениях Р. Орловой лесное пространство разделяется на реалистичное, осязаемое, отражением которого являются деревья, травы, птицы, и ментальное, вызванное этническим мифологическим сознанием, включающее такие концепты как высший разум, божественная сила. В стихотворении «Вирявати» («Боги не леса») изображён имеющий важное значение в традиционных представлениях мордовского народа о мироустройстве образ покровительницы леса Вирявы. В фольклорных текстах этот персонаж наделяется разными ролями: защищает человека от зверей, даёт ему природные

дары или может зашекотать до смерти. Основное правило при посещении леса – поприветствовать Вираву, попросить её о благосклонности, убедить в своей искренности. В анализируемом стихотворении лирическая героиня является носителем этнической ментальности с особым религиозно-мифологическим мироощущением, запечатлённым в национальной культуре традиционным отношением к миру, она ведёт себя в соответствии с языческими канонами: «*Васень сязьф кстынять тейть максса, / Кона танцти ламбам медьта. / Мазы панчфкять сязьса-максса, / Кона симондсь раса ведьта*» ‘Первую сорванную землянику тебе отдам, / Которая вкуснее сладкого меда. / Красивый цветочек сорву-отдам, / Который наполнился росой’ [15, 26].

Стихотворения Р. Орловой мифологического цикла стилистически соотносимы с народнопоэтическими текстами – посвящёнными божествам обрядовыми песнями (пазморот). Фольклорная стилизация наблюдается в архитектонике произведений (приветствие / величание божества, изложение основной проблемы, благодарение / просьба о милости), их языковых (лексических, синтаксических) особенностях, изобразительных приёмах и средствах. Приветствие передаётся в характерной для обрядовой поэтики форме гиперболы: «*Вирень ванфтыньке, Виравя, / Тон – инь козясь! / Тон – инь мазысь!*» ‘Хранительница леса, Виравя, / Ты – самая богатая! / Ты – самая красивая’ [15, 26]. Фольклорный стилистический приём единоначатия («*Модань кирди, Модаава, / Модань кирди – Масторава*» ‘Хранительница земли, Модаава, / Хранительница земли, Масторава’) становится способом импликации авторских эмоций. Обилие повторов («*Тол кръвастть. Тол кръвастть! / ... Толс палы. Толс палы, / Толса палы кяжсь*» ‘Огонь зажги. Огонь зажги! / ... В огне сгорит. В огне сгорит, / В огне горит злоба’ [15, 26]), обращений («*макста мондейне, Ведява*» ‘дай мне, Ведява’), парных слов («*тячине-к-исяконе*» ‘наше сегодня-вчера’, «*сивольста-накарьста*» ‘из мяса-костей’, «*сиземозонок-прамозонок*» ‘до усталости-бессилия’), восклицаний («*Азорсь тон вень менельть прява!*» ‘Хозяйка ты на ночном небе!’), однородных членов («*лоткафтан, потафтан, / Сярятьфтцень ётафтан*» ‘остановлюсь, вернусь, / Болезнь твою исцелю’), уменьшительно-ласкательных

форм («*седнява-кинява*» ‘по мосточку-дороженьке’, «*шачеза минь сёроньке*» ‘чтоб уродилось зёрнышко’) свидетельствует о близости языка произведений народной речи. При этом поэтика обрядовой песни претерпевает трансформацию. К примеру, в стихотворении «Богине ветра» отсутствует традиционное восхваление покровительницы природной стихии, в текст ассимилированы содержащие междометные конструкции фрагменты колыбельной песни («*Тютю-балю, балю-бай, / Вармась куду аф совай. / А-а-а-а-а-ай, / Удок, ваймонь иди-няй*» ‘Тютю-балю, балю-бай, / Ветер в дом не зайдёт. / А-а-а-а-а-ай, / Спи, спаситель моей души’ [15, 31]), акцентированы социальные реалии современности («*Велеса аш раштайт-шачфнихть, / Велеть кадозь моротне*» ‘В деревне не рождаются – не рожают, / Село покинули песни’ [15, 31]), что свидетельствует о прочной индивидуально-творческой концепции поэта, одновременно его глубокой сопричастности к народной культуре.

Обсуждение и заключение

Таким образом, в мордовской женской лирике национальная картина мира репрезентирована на разных уровнях художественного текста – мотивно-образном, тематическом, пространственно-временном, стилистическом. Особенностью проблемно-тематического моделирования проанализированных произведений является актуализация современной этнокультурной обстановки, авторская рефлексия социальных вопросов (судьба вымирающей деревни, обрядовой сферы, языка, песен родного народа).

Доминирующими компонентами становятся мотивы и образы, обладающие национально-культурной уникальностью, этнографические, географические, бытовые маркеры. Благодаря составляющим национальную картину мира системным связям и специфической семантике этнокультурными коннотациями наделяются архетипические концепты «малая родина», «отчий дом», соотносимые с ними образы матери, отца, бабушки. Посредством мифологических мотивов и образов реанимируется религиозное сознание, ценностная сфера древней мордвы. Отражению негативных проявлений современной национальной действительности способствуют образы исторических личностей – князя Тюшти и Пургаза, наделяемые символическо-экзистенциальной знаковостью.

Основные топосы пространства в стихотворениях – деревня, лес, что обусловлено как индивидуально-творческим сознанием, также и образом жизни, бытом мордовского народа. Художественное время представлено в разных ипостасях – настоящее, прошлое, вневременное. Подобная организация хронотопа позволяет осмыслить социокультурные реалии современности в свете традиционных этнических представлений о мире.

Стихотворения Р. Орловой стилистически соотносятся с народнопоэтической традицией, что прослеживается в использовании изобразительных ресурсов фольклорной поэтики. В произведениях М. Слугиной территориальную идентичность передают полифункциональные топонимические единицы, наделяемые положительным аксиологическим зарядом, выступающие средством лирического осмысления сегодняшней действительности.

Список источников и литературы

1. Антонов Ю. Г., Левина Н. Н., Шеянова С. В. Мордовская литература рубежа XX–XXI вв.: поиски национальной идентичности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 184 с.
2. Арзамазов А. А. Этнопоэтический мир Зои Дудиной // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 6. С. 58–64.
3. Галимуллина А. Ф., Галимуллин Ф. Г. Национальные и культурные коды в творчестве современных татарских поэтов // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии. 2022. № 1. С. 174–190.
4. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2015. 511 с.
5. Джемилева А. А. Концепция этноментальности в прозе Таира Халилова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 27–35.
6. Исакова С. А. Этнопоэтика ранних рассказов Еремея Айпина (на материале сборника «Время дождей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6–1 (84). С. 19–23.
7. Киндикова А. В. Национальная картина мира в современной алтайской литературе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 3. С. 1–10.
8. Косинцева Е. В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: дис. ... докт. филол. наук. Ханты-Мансийск, 2013. 467 с.
9. Латыпова А. В. Современная татарская поэзия Башкортостана: национальная картина мира и жанровая парадигма: дис. ... канд. филол. наук, Казань, 2021. 153 с.
10. Майнагашева Н. С., Тобуроков Н. Н. Национальный образ мира в хакасской литературе 1920–1930-х гг. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019. № 6 (74). С. 103–114.
11. Маковский М. М. «Картина мира» и миры образов (лингвокультурологические этюды) // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 36–53.
12. Матуева А. Б. Взаимодействие культурных и этнопоэтических традиций в национальной картине мира бурятских поэтов 1960–1980-х гг.: лирика Д. Улзытуева, Ц.-Д. Хамаева: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 165 с.
13. Мейлах Б. С. Философия искусства и художественная картина мира // Вопросы философии. 1983. № 7. С. 116–125.
14. Орлова Р. Кись толти («Дорога к огню»). Саранск: [б. и.], 2019. 152 с.
15. Орлова Р. Цёнгат («Острова»). Саранск: [б. и.], 2008. 80 с.
16. Панченко Л. Н. Система персонажей мансийских сказок и быличек в пространственной парадигме леса, реки и её отражение в национальной литературе: дис. ... канд. филол. наук. Ханты-Мансийск, 2022. 265 с.
17. Рябова Л. Кие тон? («Кто ты?»). Саранск: [б. и.], 2017. 128 с.
18. Сангадиева Э. Г., Амгаланова М. В. Репрезентация картины мира в бурятской национальной литературе первой трети XX века // Litera. 2021. № 4. С. 42–50.
19. Слугина М. Тюст («Оттенки»). Саранск: [б. и.], 2021. 168 с.
20. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности / сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2022. 181 с.
21. Сязи В. Л. Поэтическая картина мира Мешалкиной (Гришкиной) Натальи Альбертовны // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 285–292.
22. Текенова У. Н. Национальная картина мира в прозе Дибаша Каинчина: дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2008. 241 с.
23. Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 6–16.
24. Bartminski J. Aspects of Cognitive Ethnolinguistics / Ed. by J. Zinken. London: Equinox Publishing Ltd, 2009. 272 p.
25. Doe A. S. Hain-Jamall. Native-American & Euro-American Cultures: A Comparative Look at the Intersection between Language & Worldview // Multicultural Education. 2013. 01 Jan. Pp. 13–19.

26. Geertz Cl. Ethos, World View, and the Analysis of Sacred Symbols // The Antioch Review. 1957. Vol. 17. № 4. Pp. 421–437.
27. GLaz A., Danaher D., Łozowski P. (Eds.) The Linguistic Worldview: Etnolinguistics, Cognition, and Culture. London: Versita. 2013. 492 p.
28. Spiro M. E. Culture and Human Nature: Theoretical Papers. Chicago: University of Chicago Press., 1987. 310 p.

References

1. Antonov Yu. G., Levina N. N., Sheyanova S. V. *Mordovskaja literatura rubezha XX–XXI vv.: poiski nacional'noj identichnosti* [Mordovian literature at the turn of the XX–XXI centuries: search for national identity]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta Publ., 2018. 184 p. (In Russian)
2. Arzamazov A. A. *Jetnopojeticheskij mir Zoi Dudinoj* [Ethnopoetic world of Zoya Dudina]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Petrozavodsk State University], 2023, no. 45 (6), pp. 58–64. (In Russian)
3. Galimullina A. F., Galimullin F. G. *Nacional'nye i kul'turnye kody v tvorchestve sovremennyh tatarskih pojetov* [National and cultural codes in the works of modern Tatar poets]. *Bjulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2022, no. 1, pp. 174–190. (In Russian)
4. Gachev G. D. *Kosmo-Psiho-Logos: Nacional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: National Images of the world]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2015. 511 p. (In Russian)
5. Dzhemileva A. A. *Koncepcija jetnomental'nosti v proze Taira Halilova* [Concept of ethnomentality in the prose of Tair Khalilov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], 2023, no. 9 (1), pp. 27–35. (In Russian)
6. Isakova S. A. *Jetnopojetika rannih rasskazov Eremeja Ajpina (na materiale sbornika "Vremja dozhdj")* [Ethnopoetics of Jeremey Aypin's early stories (by the material of the cycle "The Time of Rains")]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2018, no. 6–1 (84), pp. 19–23. (In Russian)
7. Kindikova A. V. *Nacional'naja kartina mira v sovremennoj altajskoj literature* [National picture of the world in modern Altai literature]. *Mir nauki. Sociologija, filologija, kul'turologija* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 2023, no. 14 (3), pp. 1–10. (In Russian)
8. Kosintseva E. V. *Hantyjskaja literatura ot istokov do sovremennosti: temy, obrazy, tradicii* [Khanty literature from its origins to the present: themes, images, traditions]. Khanty-Mansiysk, 2013. 467 p. (In Russian)
9. Latypova A. V. *Sovremennaja tatarskaja poezija Bashkortostana: nacional'naja kartina mira i zhanrovaja paradigma* [Modern Tatar poetry of Bashkortostan: national picture of the world and genre paradigm]. Kazan, 2021. 153 p. (In Russian)
10. Maynagasheva N. S., Toburokov N. N. *Nacional'nyj obraz mira v hakasskoj literature 1920–1930-h gg.* [National image of the world in the Khakass literature of the 1920–1930s]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University], 2019, no. 6 (74), pp. 103–114. (In Russian)
11. Makovsky M. M. *"Kartina mira" i miry obrazov (lingvokul'turologicheskie jetjudy)* ["Picture of the world" and worlds of images (linguocultural etudes)]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics], 1992, no. 6, pp. 6–53. (In Russian)
12. Matueva A. B. *Vzaimodejstvie kul'turnyh i jetnopojeticheskikh tradicij v nacional'noj kartine mira burjatskich pojetov 1960–1980-h gg.: lirika D. Ulzytueva, C.-D. Hamaeva* [Interaction of cultural and ethnopoetic traditions in the national picture of the world of Buryat poets of the 1960s–1980s: lyrics by D. Ulzytuev, Ts.-D. Khamaev]. Ulan-Ude, 2011. 165 p. (In Russian)
13. Meylakh B. S. *Filosofija iskusstva i hudozhestvennaja kartina mira* [Philosophy of art and artistic picture of the world]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1983, no. 7, pp. 116–125. (In Russian)
14. Orlova Raja. *Doroga k ognju* [The Road to the Fire]. Saransk: [w/p], 2019. 152 p. (In Moksha)
15. Orlova Raja. *Ostrova* [The Islands]. Saransk: [w/p], 2008. 80 p. (In Moksha)
16. Panchenko L. N. *Sistema personazhej mansijskich skazok i bylichek v prostranstvennoj paradigme lesa, reki i ejo otrazhenie v nacional'noj literature* [System of characters of the Mansi fairy tales and bailichkas in the spatial paradigm of forest, river and its reflection in national literature]. Khanty-Mansiysk, 2022. 265 p. (In Russian)
17. Ryabova L. *Kto ty?* [Who are you?]. Saransk: [w/p], 2017. 128 p. (In Erzya)
18. Sangadieva E. G., Amgalanova M. V. *Reprezentacija kartiny mira v burjatskoj nacional'noj literature pervoj tretej XX veka* [Representation of the picture of the world in Buryat national literature of the first third of the XX century]. *Litera* [Litera], 2021, no. 4, pp. 42–50. (In Russian)
19. Slugina M. *Ottenki* [The Shades]. Saransk: [w/p], 2021. 168 p. (In Erzya)
20. *Sovremennaja marijskaja lirika: hudozhestvennye modeli mira i pojetika tvorcheskoj individual'nosti* [Modern Mari lyrics: artistic models of the world and the poetics of creative individuality]. Yoshkar-Ola: Marijskij gos. un-t Publ., 2022. 181 p. (In Russian)
21. Syazi V. L. *Poetic picture of the world by Meshalkina (Grishkina) Natalia Albertovna* [Poetic picture of the world by Meshalkina (Grishkina) Natalya Albertovna]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (2/53), pp. 285–292. (In Russian)

22. Tekenova U. N. *Nacional'naja kartina mira v proze Dibasha Kainchina* [National picture of the world in the prose of Dibash Kainchin]. Gorno-Altisk, 2008. 241 p. (In Russian)
23. Sheshunova S. V. *Nacional'nyj obraz mira kak kategorija jetnopojetiki russkoj slovesnosti* [National image of the world as the category of ethno poetics of Russian literature]. *Problemy istoricheskoi pojetiki* [Problems of Historical Poetics], 2008, no. 8, pp. 6–16. (In Russian)
24. Bartminski J. *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*. Ed. J. Zinken. London: Equinox Publishing Ltd, 2009. 272 p. (In English)
25. Doe A. S. Hain-Jamall. Native-American & Euro-American Cultures: A Comparative Look at the Intersection between Language & Worldview. *Multicultural Education*, 2013, January 01, pp. 13–19. (In English)
26. Geertz Cl. Ethos, World View, and the Analysis of Sacred Symbols. *The Antioch Review*, 1957, no. 17 (4), pp. 421–437. (In English)
27. GŁaz A., Danaher D., Łozowski P. (Eds.) *The Linguistic Worldview: Etnolinguistics, Cognition, and Culture*. London: Versita, 2013. 492 p. (In English)
28. Spiro M. E. *Culture and Human Nature: Theoretical Papers*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 310 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

ABOUT THE AUTHOR

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410